

An oil painting of a man and a woman. The man, on the left, has dark, wavy hair, a prominent nose, and a thin mustache. He is wearing a dark suit jacket over a white shirt and a dark tie. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is looking directly at the viewer with a serious expression. She is wearing a dark, possibly velvet, garment. The background is a textured, mottled brown and grey.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**ЖЕНЩИНА,
КОТОРОЙ НЕ
ДОЛЖНО БЫЛО
БЫТЬ – (роман)**

Даи, уя grosдае бобонка сряго
велбвечека!

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ
ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ – (роман)

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

**ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ – (роман) /
С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026**

Это историко-психологический роман о любви, власти, искусстве, одиночестве и цене великого имени. Его главная тема — не Дали и даже не Гала, а создание человека человеком. Роман оставляет после себя не готовый ответ, а тревожный вопрос: возможно ли по-настоящему узнать, где в великом человеке заканчивается его собственный талант и начинается влияние того, кто всю жизнь стоял рядом. Роман не столько биография Сальвадора Дали и Галы, сколько психологическое исследование необычного союза двух сильных и противоречивых людей. В центре произведения стоит главный вопрос: кто создал кого — Дали Галу или Гала Дали? Автор не даёт на него однозначного ответа и именно этим сохраняет главное достоинство романа: читателю оставлено право самому решить, где заканчивается любовь и начинается власть, где муза становится соавтором, а зависимость — формой творчества. Заключительный вопрос романа звучит уже не как игра словами, а как итог всей жизни: «Кто создал кого?»

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026

© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ – (роман)

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ – (роман)

Пролог. Женщина перед портретом

В комнате было тихо. За высокими окнами стояло жаркое лето, но тяжёлые ставни почти не пропускали солнечного света, и от этого просторное помещение казалось погружённым в прохладный полумрак. На стенах висели картины, в углах стояла мебель, которую давно уже никто не использовал по назначению, а на столах и полках лежали вещи, пережившие своих владельцев и сохранившие для одного человека гораздо больше воспоминаний, чем могли бы предположить посторонние.

Гала сидела перед большим портретом и смотрела на молодого мужчину, изображённого на холсте.

Он смотрел прямо на неё. В его лице было что-то одновременно вызывающее и беззащитное, какая-то странная смесь самоуверенности и тревоги, которая много лет спустя стала бы одной из самых узнаваемых черт его характера. Это был ещё не тот Сальвадор Дали, которого знали газеты, выставочные залы и миллионы людей, но в этом молодом человеке уже угадывался будущий художник, который однажды превратит собственное имя в легенду и заставит весь мир обсуждать не только свои картины, но и самого себя.

Гала знала это лицо лучше, чем своё собственное.

Она прожила рядом с ним почти всю взрослую жизнь и видела его таким, каким не видел почти никто другой: раздражённым, испуганным, смешным, тщеславным, нежным, жестоким, растерянным, совершенно счастливым и таким одиноким, что иногда ей самой становилось трудно находиться рядом с ним. Она знала его привычки, знала, когда он говорит серьёзно, а когда играет на публику, знала, что за некоторыми его безумными выходками скрывается обыкновенный человеческий страх, и понимала, что иной раз именно страх заставляет его вести себя так, будто ему ничего на свете не страшно.

Теперь перед ней оставался только портрет.

Гала была уже стара, и возраст научил её тому, чему молодость сопротивляется из всех сил: прошлое нельзя изменить, даже если всю жизнь обладал властью над другими людьми. Можно изменить дом, окружение, цену картины, условия договора, отношение к человеку, но нельзя вернуться в тот день, когда одно решение ещё не принято и вся дальнейшая жизнь кажется состоящей из бесчисленного количества возможностей.

За дверью послышались шаги.

— Мадам, вас спрашивают о мастере, — сказала служанка.

Гала не обернулась.

— Все спрашивают о мастере.

— Что им передать?

Она ещё некоторое время продолжала смотреть на портрет, словно надеялась получить от него ответ, которого не получил от неё ни один человек.

— Ничего.

Дверь закрылась.

Гала осталась одна.

Она знала, что после смерти Дали люди будут ещё долго говорить о нём. Одни станут называть его гением, другие — человеком, который сделал из собственной эксцентричности великолепный спектакль. Кто-то будет изучать его картины, кто-то — его письма, кто-то станет

пересказывать истории о его причудах, женщинах, деньгах и знаменитых высказываниях. Будут спорить о его таланте, о его характере, о его отношениях с сюрреалистами и о том, какую роль в его жизни сыграла она сама.

О ней тоже будут говорить.

Скажут, что она была его музой. Скажут, что была его женой, любовницей, управляющей, советчицей и женщиной, без которой он не стал бы тем Дали, которого знает история. Другие будут утверждать обратное: что она использовала его славу, распоряжалась его деньгами, держала его рядом с собой и постепенно подчинила себе человека, который был слишком талантлив, чтобы принадлежать кому-либо.

Каждый придумает свою Галу.

Но Гала знала, что ни один из этих образов не является ею целиком.

Она медленно поднялась с кресла и подошла к картине. На холсте стоял молодой Дали, каким она встретила его много лет назад, ещё до того, как мир научился произносить его имя с тем особым выражением, которое бывает только у людей, уже ставших знаменитыми.

Гала смотрела на него и вдруг почувствовала, как прошлое, от которого она столько лет пыталась отделиться, снова приблизилось.

Перед ней возник Кадакес.

Белые дома, море, ослепительное солнце, голоса людей, среди которых она впервые увидела человека, совершенно не похожего на всех остальных. Он был странен, напряжён, почти нелеп в своей манере держаться, но за внешней эксцентричностью она сразу почувствовала нечто другое — огромную потребность в том, чтобы кто-нибудь поверил в него раньше, чем в него поверит весь мир.

Тогда она ещё не знала, что именно ей предстоит стать этим человеком.

Не знала, что однажды он назовёт её своей Галу.

Не знала, что ради него разрушит одну жизнь и построит другую.

Не знала и того, что спустя десятилетия люди будут спорить, кто кому был нужен больше — он ей или она ему.

Гала ещё раз посмотрела на портрет.

— Ты ведь ничего обо мне не знаешь, — сказала она тихо.

Портрет молчал.

А где-то далеко, за пределами этой комнаты и этого старого дома, уже начиналась история той девочки, которая родилась в России и ещё не знала, что когда-нибудь станет женщиной, чьё имя окажется навсегда связано с одним из самых знаменитых художников XX века.

Её звали Елена.

Глава 1. Девочка из Казани

Елена Дмитриевна Дьяконова родилась в Казани в 1894 году, в семье, которую нельзя было назвать ни богатой, ни знатной. Её детство пришлось на время, когда Россия ещё жила старым представлением о человеческих судьбах, хотя вокруг уже начинали происходить перемены, которым предстояло изменить страну до неузнаваемости. Для девочки из хорошей семьи существовали вполне понятные дороги: образование в пределах дозволенного, семья, дети, спокойная жизнь рядом с мужем, уважение окружающих и то положение, которое считалось достойным для женщины её круга.

Но судьба Елены с самого начала оказалась сложнее этих представлений.

Она не была ребёнком, которому с ранних лет предназначено великое будущее. В ней не было той очевидной одарённости, которая заставляет взрослых говорить: «Из этого ребёнка непременно что-нибудь получится». Её сила проявлялась иначе. Она умела наблюдать и запоминать, замечать в людях то, что они старались скрыть, и чувствовать изменение отношения к себе ещё прежде, чем человек успевал выразить его словами. Для спокойной семейной жизни такое качество могло оказаться совершенно излишним, зато позднее, когда ей пришлось суще-

ствовать среди художников, поэтов, богемы и людей, привыкших жить собственными страстями, оно стало одним из главных её преимуществ.

Елена росла и постепенно начинала понимать, что окружающий её мир не является единственно возможным. Она ещё не знала, куда приведёт её эта мысль, но уже чувствовала, что ей тесно в заранее приготовленной для неё роли. В этом не было ни сознательного бунта, ни какого-либо плана. Просто одни люди с детства принимают предложенную им жизнь как естественный порядок вещей, а другие почему-то начинают смотреть за её пределы. Елена принадлежала ко вторым.

Возможно, именно поэтому её особенно интересовали люди, которые сами не вписывались в привычные рамки. Она могла долго наблюдать за человеком, почти не вмешиваясь в разговор, а потом неожиданно сказать то, что заставляло собеседника замолчать. Её интересовало не только то, что человек говорил о себе, но и то, что он пытался скрыть за словами. Она рано почувствовала простую человеческую слабость: почти каждый хочет казаться сильнее, свободнее и увереннее, чем является на самом деле.

Позднее это знание окажется для неё чрезвычайно полезным.

Но пока Елена была всего лишь молодой женщиной, перед которой постепенно открывался мир, намного больший, чем тот, в котором она родилась.

Европа привлекала её не только культурой и свободой, о которых говорили окружающие, но прежде всего ощущением движения. Там менялись представления о женщине, искусстве, любви и человеческой независимости; литература и живопись всё чаще отказывались от старых правил; молодые люди стремились прожить жизнь не так, как прожили её родители. Для Елены это было не просто интересным зрелищем. Она чувствовала, что именно там сможет стать другой.

Впоследствии её будут обвинять в расчётливости, в холодности, в стремлении использовать мужчин и обстоятельства. Возможно, в некоторых случаях эти обвинения будут иметь основания. Но было бы слишком легко объяснить всю её жизнь одной жадностью до власти или денег. В ней с самого начала существовало другое, гораздо более глубокое желание: она хотела сама выбирать, кем ей быть.

Именно поэтому первый серьёзный выбор её жизни будет связан не с богатством и даже не с положением, а с любовью.

Она встретит молодого французского поэта Поля Элюара.

Он будет ещё очень далёк от того имени, которое позднее станет известно литературному миру. Перед Еленой окажется не знаменитость, а живой человек — чувствительный, талантливый, противоречивый, способный любить и страдать так, как умеют только молодые люди, которым кажется, что впереди у них ещё целая вечность.

Елена выйдет за него замуж. Она станет Галиной, а затем Галой. И на какое-то время может показаться, что её судьба уже определена. Но судьба, как и искусство, редко следует первоначальному эскизу.

Ей предстояло встретить человека, рядом с которым обычная жизнь перестанет казаться ей возможной.

Его звали Сальвадор Дали.

ГЛАВА 2. ПАРИЖ

Париж впервые появился в её воображении задолго до того, как она увидела его улицы.

Он приходил к ней не как определённый город с площадями, мостами, домами и шумными бульварами, а как обещание другой жизни, в которой человеку позволено быть не тем, кем его заранее назначили. В России она слышала о Париже от людей, которые никогда там не бывали, читала о нём в книгах и ловила его отражение в разговорах взрослых, где это имя произносилось с особой интонацией, словно за ним скрывалось не место, а целый мир.

Европа вообще казалась ей пространством, где жизнь двигалась быстрее привычки.

Она ещё не знала, что свобода почти никогда не даётся человеку вместе с готовыми правилами пользования ею. Ей казалось, что достаточно попасть туда, где женщины иначе одеваются, мужчины иначе разговаривают, художники спорят с академиями, писатели позволяют себе говорить о том, о чём дома предпочитают молчать, и тогда собственная жизнь сама собой приобретёт очертания, которых ей так не хватало.

В этом она, конечно, ошибалась.

Но именно такие ошибки иногда и становятся началом судьбы.

Когда Елена впервые оказалась в Европе, ей пришлось гораздо быстрее, чем прежде, научиться отличать свободу от её внешних признаков. Она увидела людей, которые говорили о независимости и оставались рабами денег, людей, которые презирали условности и тут же создавали свои собственные, художников, объявлявших себя свободными, но болезненно зависевших от чужого признания. Она увидела любовь, которая называла себя вечной, а через несколько месяцев оказывалась забытой, и браки, в которых люди жили вместе не потому, что были счастливы, а потому, что не знали, как расстаться.

Елена смотрела и запоминала.

Это было одним из её главных свойств. Она редко спешила высказывать своё мнение, если могла сначала понаблюдать. Ей было интересно не только то, что человек говорил, но и то, как он замолкал, когда разговор становился неудобным, куда смотрел, когда лгал, кому улыбался искренне, а кому — из расчёта. Она постепенно начинала понимать простую вещь: человек гораздо чаще выдаёт себя не словами, а тем, что пытается скрыть.

В Париже это умение стало для неё почти второй природой.

Город не спрашивал, кем она была вчера. Ему было всё равно, из какой семьи она пришла, какие книги читала в юности и каким представляла своё будущее. Здесь человека оценивали по тому, что он приносил с собой в настоящее, — по его красоте, уму, таланту, деньгам, связям, способности заинтересовать другого человека или хотя бы не наскучить ему слишком быстро.

Елена училась жить среди этого мира.

Она не была художницей, но постепенно оказалась рядом с художниками. Она не писала стихов, но научилась понимать поэтов. Она не создавала произведений искусства, однако очень рано почувствовала то, чего многие талантливые люди не замечали: талант сам по себе ещё ничего не гарантирует.

Талант может остаться незамеченным.

Талант может оказаться погребённым под бедностью, страхом, неуверенностью, дурным характером или просто отсутствием человека, который вовремя скажет: продолжай.

Елена пока не знала, что однажды именно эта мысль станет одной из главных в её жизни.

Париж постепенно переставал быть для неё чужим городом. Она привыкала к его шуму, к кафе, в которых люди могли часами говорить о литературе и политике, к мастерским, где картины стояли прямо на полу, к разговорам, в которых любовь, искусство, деньги и свобода смешивались так тесно, что порой невозможно было понять, где кончается одно и начинается другое.

Но Париж дал ей не только вкус свободы. Он дал ей вкус выбора. И это было гораздо опаснее.

Человек, который однажды понял, что может выбирать свою жизнь, уже не так легко возвращается к жизни, выбранной за него.

Елена ещё не знала, насколько дорогим окажется для неё это открытие.

ГЛАВА 3. ПОЛЬ ЭЛЮАР

Поль Элюар вошёл в её жизнь не как великий поэт, каким его позднее узнали многие, а как молодой человек, в котором было что-то одновременно хрупкое и сильное.

Он был способен говорить о любви так, будто впервые на земле появился человек, которому разрешили произнести это слово. В нём жила та внутренняя напряжённость, которая отличает настоящего поэта от просто хорошо образованного человека: он воспринимал происходящее вокруг не только разумом, но и какой-то болезненной частью души, которой невозможно было приказать замолчать.

Елена это почувствовала. И, возможно, именно поэтому её привлекло в нём не то, что он мог дать ей в обычной жизни, а то, каким он становился рядом с ней.

Любовь в молодости редко спрашивает, готов ли человек к её последствиям. Она просто убеждает его, что последствия не имеют значения.

Елена вышла за Элюара замуж. Их жизнь была связана с литературой, Парижем, войной, путешествиями, друзьями и тем кругом людей, для которых искусство было не украшением существования, а его оправданием.

У них родилась дочь Сесиль. Рождение ребёнка изменило многое, но не изменило главного: Елена продолжала смотреть на мир так, словно искала в нём ещё одну дверь.

Она любила мужа, и эта любовь была настоящей. Но настоящая любовь не всегда оказывается достаточной для того, чтобы человек перестал искать самого себя.

Элюар жил поэзией. Для него слово было способом дышать, а любовь — одной из высших форм существования. Елена находилась рядом с ним и постепенно понимала, что может быть для поэта музой, женщиной, возлюбленной, матерью его ребёнка, частью его стихов, но всё это ещё не отвечало на один вопрос: кто она сама?

Она не хотела навсегда остаться только отражением другого человека. В этом заключалась её сила и одновременно её будущая беда.

Потому что женщина, привыкшая быть рядом с талантливым мужчиной и однажды решившая стать самостоятельной силой, неизбежно сталкивается с вопросом, который редко задают мужчинам: где заканчивается любовь и начинается использование?

Елена не могла тогда знать, что через много лет этот вопрос будут задавать уже о ней. Одни скажут, что она всю жизнь жила талантами мужчин. Другие — что именно она помогала талантам становиться великими. Третьи будут считать её женщиной, которая слишком хорошо понимала цену человеческой слабости.

Но пока ничего этого не было. Был Элюар. Была молодая женщина, которая ещё только училась различать любовь и зависимость. Была маленькая дочь. И была Европа, медленно входившая в страшнейший период своей истории.

Война оставляла на людях следы, которые невозможно было увидеть сразу. Она заставляла взрослых становиться старше прежде времени и учила их ценить то, что вчера казалось обычным: письмо, возвращение домой, человеческое прикосновение, возможность провести вместе ещё один вечер.

Элюар писал. Елена ждала, заботилась о семье, наблюдала за окружающими и всё чаще чувствовала, что её собственная жизнь развивается где-то рядом с ней, но ещё не принадлежит ей полностью.

Она не могла объяснить это даже самой себе. Иногда ей казалось, что она неблагодарна. Иногда — что просто слишком многого хочет. Иногда она убеждала себя, что всё необходимое у неё уже есть и только беспокойный характер мешает ей быть счастливой.

Но беспокойство не исчезало. Оно росло. И однажды Елена поняла: ей недостаточно быть женщиной великого человека. Она хочет оказаться там, где рождается новая культура, где люди не только создают произведения, но и создают себя заново.

И тогда её взгляд всё чаще обращался не к дому, а наружу. К художникам, к поэтам. к людям, которые ещё не стали великими, но уже были убеждены, что станут ими. Она ещё не знала, что среди них находится человек, который изменит её жизнь так же глубоко, как она изменит его.

ГЛАВА 4. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СМОТРЕЛА ДАЛЬШЕ

Елена никогда не была женщиной, которая довольствовалась тем, что ей предлагали.

Это качество могло выглядеть по-разному. Для одного человека оно казалось независимостью, для другого — холодностью, для третьего — эгоизмом. Она могла быть внимательной и нежной, могла искренне заботиться о человеке, которого любила, но в глубине души всё равно оставалась часть её самой, куда никто не имел полного доступа.

Там она принимала решения. Именно поэтому её отношения с Элюаром со временем становились всё сложнее. Они не разрушились в один день. В настоящей жизни редко бывает так, как в плохом романе, где достаточно одного разговора, чтобы любовь внезапно превратилась в ненависть, а супруги разошлись, хлопнув дверью.

Между двумя людьми постепенно накапливается то, чего они не говорят друг другу. Меняются желания, появляются другие люди, меняется представление о будущем.

Человек, который ещё вчера казался единственным возможным спутником, вдруг начинает восприниматься частью прошлого, которое ты любишь, но уже не можешь продолжать.

Елена всё сильнее ощущала потребность в другом пространстве.

Ей хотелось не просто быть рядом с художниками, а понимать их мир. Ей хотелось знать, почему один человек годами пишет картину, которую никто не покупает, а другой за несколько месяцев становится знаменитым. Почему талантливый человек иногда боится собственного таланта. Почему один художник ищет признания, а другой делает вид, будто презирает его, хотя болезненно нуждается в нём.

Она смотрела на людей и училась.

Возможно, именно тогда в ней впервые возникло то качество, которое позднее станет источником самых разных оценок её характера: она умела видеть в человеке не только то, кем он был, но и то, кем он мог стать.

Это очень опасный дар.

Потому что, увидев в человеке возможность, легко начать верить, что ты имеешь право помочь ему стать тем, кем он ещё не стал.

Елена всё чаще думала именно так.

Ей казалось, что вокруг неё множество людей с огромными возможностями, которые сами не умеют распорядиться ими. Кто-то талантлив, но ленив. Кто-то смел, но глуп. Кто-то умен, но боится мира. Кто-то способен создать великое произведение, но не способен заставить людей его увидеть.

И здесь Елена впервые почувствовала свою собственную силу.

Она могла быть рядом, могла слушать, убеждать, организовать, ждать. Могла сказать человеку то, чего он не слышал бы от других. Она ещё не называла это властью. Наверное, потому, что власть редко начинается с желания властвовать. Иногда она начинается с желания помочь. А потом человек замечает, что без его помощи другой уже не может. Эта граница почти незаметна. Елена пока не переступила её. Но жизнь уже вела её к тому месту, где ей предстояло узнать, насколько тонка эта граница.

В Париже вокруг Элюара постепенно формировался мир молодых художников и поэтов, для которых старые представления об искусстве казались тесными. Они искали новую реальность, спорили о снах, бессознательном, любви, случайности, безумии и свободе. Они хотели разрушить привычное представление о том, каким должно быть произведение искусства и каким должен быть сам художник.

Елена чувствовала себя среди них естественно. Она не стремилась стать одной из них. Ей было интереснее другое: понять, кто из них действительно способен изменить искусство, а кто просто громче всех говорит о революции. И среди этих людей постепенно появлялось имя, которое пока ещё знали далеко не все.

Сальвадор Дали. Он был молод, странен, чрезвычайно честолюбив и уже тогда обладал тем редким свойством, которое трудно спутать с обычным тщеславием: он не хотел просто стать известным художником. Он хотел стать Дали.

Само имя постепенно превращалось для него в образ, в судьбу, почти в произведение искусства.

Елена ещё не знала его. Он ещё не знал её. Но расстояние между ними сокращалось. И когда они встретятся, это будет не просто встреча мужчины и женщины. Это будет столкновение двух людей, каждый из которых уже успел понять одну опасную истину: человек может создать себя сам, но для этого ему иногда требуется другой человек, который поверит в созданную им версию раньше всех остальных.

Елена пока только училась быть такой женщиной. А Сальвадор уже отчаянно нуждался в ней.

ГЛАВА 5. МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ БЫТЬ ВЕЛИКИМ

Сальвадор Дали родился в Фигерасе в 1904 году, в семье, где к нему относились серьёзно ещё прежде, чем он сам научился относиться серьёзно к себе. Его отец, нотариус Сальвадор Дали-и-Куси, был человеком сильного характера и пользовался в городе уважением. Он не принадлежал к художественному миру и, вероятно, не всегда понимал причуды сына, но достаточно рано заметил в нём необыкновенную восприимчивость, упрямство и способность с такой настойчивостью заниматься тем, что его увлекало, какой не обладало большинство детей. Позднее отношения между отцом и сыном станут тяжёлыми, и Дали будет болезненно восставать против его власти, однако в юности именно отец позволял ему получать художественное образование и идти дорогой, которая для многих родителей казалась бы слишком неопределённой.

Но в детстве Сальвадора существовала ещё одна история, которую он не мог знать из собственного опыта и которая всё же постепенно становилась частью его внутреннего мира. До него в семье уже был мальчик, носивший имя Сальвадор и умерший ещё до рождения будущего художника. Для родителей это была страшная утрата, о которой память не исчезает только потому, что в доме появляется другой ребёнок. Новый Сальвадор получил то же имя, и по мере того как он вырос, он всё яснее чувствовал странность своего положения: имя принадлежало ему, но вместе с ним в его жизнь входила память о человеке, которого он никогда не видел.

Невозможно с уверенностью сказать, когда именно эта история стала для Дали чем-то большим, чем семейным воспоминанием. Возможно, она никогда не превращалась в ясную мысль, которую он мог бы сформулировать словами. Но дети часто чувствуют то, чему ещё не умеют дать название, и человек, выросший рядом с тенью другого ребёнка, может рано или поздно начать воспринимать собственную жизнь как необходимость доказать своё право быть единственным и неповторимым.

Возможно, именно поэтому Дали так рано начал создавать самого себя.

Ему было мало просто быть мальчиком из Фигераса. Он хотел, чтобы его замечали, хотел отличаться от других и довольно скоро понял, что искусство даёт ему такую возможность. Рисование не требовало от него объяснений. Бумага принимала всё, что он на неё наносил, и не спрашивала, почему он видит мир именно таким. Он мог смотреть на обыкновенный пейзаж и замечать в нём то, чего не замечали другие, мог долго всматриваться в человеческое лицо, в изгиб дерева, в камень, лежащий у дороги, и постепенно обнаруживать, что видимая реальность вовсе не так проста, как кажется человеку, привыкшему смотреть на неё только поверхностно.

Каталония с её светом, морем, сухой землёй, скалами, деревнями и старинными городами давала ему материал, который позднее станет частью его художественного языка. Природа для Дали никогда не была только красивым зрелищем. Он словно чувствовал в ней скрытое напряжение, видел в обычных предметах возможность другого существования и постепенно при-

выкал к мысли, что художник не обязан изображать мир таким, каким его видит большинство людей. Его задача может состоять в том, чтобы заставить человека увидеть за привычным совершенно другое.

Так в нём постепенно формировалось качество, которое позднее станет одной из основ его искусства: он не принимал видимую реальность за единственно возможную.

Однако вместе с художественным даром в нём росло и другое свойство — убеждённость в собственной исключительности. В другом человеке она могла бы остаться обычным подростковым самолюбием, которое со временем смягчается жизнью. У Дали всё происходило иначе. Каждый раз, когда взрослые замечали его способности, он получал подтверждение тому, во что уже хотел верить; каждая похвала укрепляла его уверенность, а каждое замечание, ограничивавшее его свободу, воспринималось не столько как совет, сколько как попытка поставить предел тому будущему, которое он для себя уже вообразил.

В этом было что-то опасное, но одновременно именно эта опасность впоследствии станет источником его силы. Человеку, который хочет стать великим художником, необходима вера в себя, однако вера, не знающая сомнения, легко превращается в слепоту. Дали ещё предстояло узнать, сколько в его уверенности будет настоящего таланта, а сколько — желания заставить окружающих признать созданный им образ.

Пока же перед нами был мальчик, который хотел быть великим и постепенно начинал понимать, что обычная жизнь ему не подходит. Он ещё не знал, что стремление стать исключением почти всегда требует от человека одиночества, а иногда заставляет его приносить в жертву даже тех, кого он любит.

Но путь уже начался.

ГЛАВА 6. ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК

Юность изменила Дали не потому, что он вдруг нашёл собственный стиль, а потому, что открыла перед ним огромное количество художественных возможностей. Он учился, наблюдал, копировал, спорил, пробовал и снова возвращался к тому, что уже считал отвергнутым. Его ранние работы ещё не принадлежали тому Дали, которого впоследствии узнает весь мир: в них можно было обнаружить разные влияния, разные художественные поиски и желание проверить на прочность каждое направление, которое казалось ему достаточно современным.

Это было важнее окончательного выбора.

Дали не боялся менять манеру, потому что его интересовал не столько стиль, сколько возможность найти через стиль самого себя. Он мог увлечься новой художественной идеей, внимательно изучить её, попробовать говорить на её языке, а затем отказаться от неё, если чувствовал, что начинает слишком сильно зависеть от чужой системы. Ему было недостаточно научиться хорошо рисовать. Он хотел понять, каким художником должен стать именно он, и это различие между мастерством и самоопределением очень скоро сделает его человеком, с которым будет трудно иметь дело даже тем, кто искренне захочет ему помочь.

В Барселоне мир оказался гораздо шире привычного круга Фигераса. Здесь были мастерские, выставки, журналы, художники, писатели, споры о новых течениях и молодые люди, которые уже не хотели принимать старые правила только потому, что эти правила существовали прежде них. Дали впитывал всё, что видел, но почти сразу обнаружил одну вещь, которая будет сопровождать его всю жизнь: ему трудно было оставаться просто последователем.

Он мог восхищаться человеком, но не хотел быть его копией, мог принять чужую идею, но стремился превратить её во что-то своё. Он мог признать талант другого художника, но внутренне уже искал способ превзойти его. Так постепенно в нём укреплялась не просто художественная амбиция, а потребность создать собственное имя.

В 1922 году Дали отправился в Мадрид для обучения в Королевской академии изящных искусств Сан-Фернандо и поселился в Residencia de Estudiantes, знаменитой студенческой резиденции, которая была в те годы одним из важнейших центров интеллектуальной и худо-

жественной жизни Испании. Для молодого человека, которому было тесно в пределах академических представлений об искусстве, это место стало настоящим открытием. Здесь жили и встречались люди разных профессий и убеждений, обсуждали литературу, живопись, философию, политику и новые идеи, спорили до ночи и воспринимали собственную молодость не как период ожидания будущей жизни, а как время, в которое эту жизнь уже можно было создавать.

Для Дали это было именно то окружение, которого ему не хватало. Он приехал в Мадрид художником, который хотел стать великим, но очень скоро обнаружил, что находится среди людей, каждый из которых тоже уверен в собственной необычности. Быть особенным среди обычных людей сравнительно легко; гораздо труднее сохранить ощущение собственной исключительности среди тех, кто также считает себя избранным. Мадрид стал для Дали именно таким испытанием. И он принял его с тем упрямством, которое было в нём с детства.

ГЛАВА 7. МАДРИД

В *Residencia de Estudiantes* Дали встретил людей, имена которых впоследствии будут связаны с одним из самых ярких периодов испанской культуры. Среди них был Федерико Гарсиа Лорка, и эта встреча оказалась для обоих значительно важнее обычного знакомства.

Лорка был человеком другого склада. В нём было меньше стремления демонстративно доказать свою исключительность и больше способности превращать внутренние переживания в художественную форму. Он жил литературой, но литература для него не была профессией в привычном смысле; она была способом воспринимать действительность. Дали, который в то время ещё только искал собственный художественный язык, почувствовал это сразу. Они сблизились.

Их отношения нельзя свести к одному слову. В них были дружба, восхищение, интеллектуальная близость, художественное соперничество и личное чувство, которое позднее станет предметом многочисленных интерпретаций. Но для самого Дали эта связь имела прежде всего значение встречи с человеком, который умел смотреть внутрь другого и не удовлетворялся внешней маской.

Лорка видел в нём не только странного молодого художника, склонного к эксцентричности и демонстративным жестам. Он видел человека, в котором существовала настоящая художественная сила, ещё не получившая окончательной формы. Дали, в свою очередь, чувствовал, что рядом с Лоркой можно говорить о вещах, которые невозможно было обсуждать с большинством людей.

Позднее рядом с ними появился Луис Бунюэль — другой человек, совершенно иной по характеру и темпераменту, но столь же важный для формирования той среды, в которой Дали становился самим собой. Бунюэль был жёстче, прямее и нетерпимее к тому, что считал ложью. Если Лорка обладал способностью проникать в человеческую душу через слово, то Бунюэль словно хотел разрушить всякую защиту, за которой человек прятался от правды.

Эта компания была полезна Дали именно потому, что никто не давал ему окончательно успокоиться.

Они спорили об искусстве, высмеивали академические правила, обсуждали новые направления, читали, смотрели картины, придумывали собственные объяснения происходящему и всё больше ощущали, что находятся на пороге совершенно иной эпохи. Для Дали это время стало периодом стремительного художественного взросления. Он пробовал кубизм, интересовался современными течениями, изучал работы европейских мастеров и всё больше отдалялся от академического представления о том, каким должно быть произведение искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.